

Владимир Шигин

Инна - Королева Морской Разведки

Детектив-экшен

Владимир Шигин

**Анна – королева
морской разведки**

«Горизонт»

2016

Шигин В. В.

Анна – королева морской разведки / В. В. Шигин —
«Горизонт», 2016 — (Детектив-экшен)

ISBN 978-5-906858-12-2

Если даже сегодня спросить любого историка Первой мировой войны, в каком морском бою с русскими погибло больше всего германских кораблей, то мы вряд ли услышим правильный ответ. Кто читал роман Валентина Пикуля «Моонзунд» помнит поразительную историю о русской разведчице из этого романа. Писатель описывал, как ловко она подсунула германскому офицеру карты минных полей Ирбенского пролива. Немцы поверили в эту фальшивку, и в Финский залив была послана в набеговую операцию целая флотилия эсминцев, которая там и осталась навсегда. Безусловно это было вымыслом автора. Но что было в реальности? Существовала ли на самом деле реальная разведчица и если существовала, то, как ее тогда звали? Что на самом деле совершила она в своей жизни, и какова была ее дальнейшая судьба? Где в этой истории любовь и измена, преданность и ненависть, правда и вымысел?

ISBN 978-5-906858-12-2

© Шигин В. В., 2016

© Горизонт, 2016

Содержание

Забытая легенда	6
Либавская кельнерша	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Шигин

Анна – королева морской разведки

© Владимир Шигин

© Обложка Алёна Кузнецова

* * *

Если даже сегодня спросить любого историка Первой мировой войны, в каком морском бою с русскими погибло больше всего германских кораблей, то мы вряд ли услышим правильный ответ. И это, разумеется, не случайно, ведь в том печальном для Германии событии и боя-то как такового не было. А потери немцев, тем не менее, были очень существенны. За одну только ночь кайзер потерял седьмую часть всех эсминцев, погибших за долгих четыре года войны.

Еще курсантом военно-морского училища я прочитал роман Валентина Пикуля «Моонзунд». Помню, как поразила меня история русской разведчицы из этого романа. Писатель описывал, как ловко она подсунула германскому офицеру карты минных полей Ирбенского пролива. Немцы поверили в эту фальшивку, и в Финский залив была послана в набеговую операцию целая флотилия эсминцев, которая там и осталась навсегда. Роман есть роман, и что в нем правда, а что авторский вымысел я, как и все другие читатели, не знал. Безусловным вымыслом автора, к примеру, была любовная линия книги – роман русской разведчицы и главного героя – офицера Балтийского флота. Но что было в реальности? Существовала ли на самом деле реальная разведчица и если существовала, то, как ее тогда звали? Что на самом деле совершила она в своей жизни, и какова была ее дальнейшая судьба?

Забытая легенда

В историю великой войны она вошла под именем Анны Ревельской. В Либаве, занятой немцами, ее знали под именем Клары Изельгоф. Стоит заметить, что Валентин Пикуль в работе над «Моонзундом» широко использовал германоязычные источники, включая мемуары руководителей кайзеровской и австро-венгерской спецслужб Вальтера Николаи и Макса Ронге. Писатель не придумал свою героиню и ее судьбу, он лишь украсил некоторыми живописными подробностями реальные события.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений, что в годы Первой мировой войны в штате разведки Балтийского флота, возглавляемой капитаном 1 ранга Непениным действительно была некая «Анна Ревельская», которая являлась агентом-нелегалом. Одним из мест ее деятельности, по крайней мере, в 1916 году была Либав (ныне Лиепая). Оговоримся сразу, что «Анна Ревельская» – это, разумеется, не настоящее имя и фамилия разведчицы, а всего лишь один из ее служебных псевдонимов. Как на самом деле звали Анну Ревельскую, мы не знаем. Есть информация еще об одном ее имени и фамилии в справке германской контрразведки, но насколько они настоящие, мы тоже не знаем. Раскрыть до конца тайну имени Анны Ревельской нам вряд ли когда-либо удастся. Дело в том, что все документы агентурной разведки, дела агентов-нелегалов в период революционного безвластия были уничтожены во избежание их захвата германской разведкой или другими многочисленными недругами России.

Русский вице-адмирал, последний командующий Императорским Балтийским флотом Андриан Иванович Непенин

Что еще можно почерпнуть из различных публикаций об Анне? Все авторы единодушно пишут, что она происходила из обеспеченной русской семьи, владевшей землями в Прибалтике, окончила гимназию и знала несколько языков, включая немецкий. Ее описывают как грациозную и привлекательную женщину, буквально пышущую здоровьем. Последнее сомнений не вызывает. Одним из главных оружий женщин-разведчиц во все времена были красота и обаяние, на которые всегда реагировали мужчины, вне зависимости от их национальности, профессии и интеллекта. Как мы увидим дальше, свои внешние данные весьма эффективно использовала для работы и Анна. Мы ничего не знаем о начале разведывательной деятельности Анны Ревельской. Однако известно, что она с самого начала специализировалась на добыче информации о германском военно-морском флоте. Судя по всему, ее деятельность была довольно успешна, так как уже к 1914 году за ней вовсю охотилась германская военная контрразведка.

О накале борьбы европейских разведок в преддверии Первой мировой войны по добыче материалов о военно-морских базах предполагаемого противника написал в свое время профессиональный разведчик генерал (в то время еще полковник) Д.И.Гурко: «... Человек предлагал морские планы балтийских портов с глубинами. О последнем запросил

Морской Генеральный штаб, нужны ли они и по какой цене. Цена оказалась ниже той, которую указал Морской штаб. Я тотчас по приезде в Берн начал переписку об их доставке. Для пробы взял две карты в морском штабе.

Предлагаемые планы признали настоящими, подписи и печати – тоже. Через три месяца они были доставлены, скопированы светочувствительной

бумаге и с курьером отосланы в Петербург. Морской штаб был этим приобретением очень доволен. Я же все сомневался и просил Морской штаб проверить, в каждом плане одну из перлинговых линий, что было легко сделать во время весеннего плавания. Это было сделано, и оказалось, что обе карты нарочно навраны. Подписи и печати при проверке оказались настоящими, из чего я заключил, что они были сфабрикованы в немецком Морском Генеральном штабе.

За это время мы купили еще две карты, которые оказались тоже неверными. Итак, планы ничего не стоили, но впоследствии оказали нам большую услугу, раскрыв немецкую контору в Цюрихе. Я предложил продолжать интересоваться ими, покупая из того же источника как можно меньше и дешевле, чтобы заставить немцев думать, что мы их считаем настоящими. Хотя и неохотно, но со мной согласились.

...Как-то в 1912 году ко мне явился знакомый человек, однажды продавший планы Балтийского моря с предложением купить планы глубин Балтийских портов. Я знал, что документы его фальшивые. Торгуясь с ним для вида о покупке двух планов, я вдруг подумал: не представляет ли он пресловутую контору, за которой и мы, и французы три года безрезультатно охотимся. Почерка его у меня не было. Все агенты писали мне па пишущей машинке и давали свою подпись, также отпечатанную на машинке. Мне необходимо было получить его почерк, но как это сделать? Я думал об этом и одновременно записывал данные о планах, которые он мне предлагал. И тут мне в голову пришла блестящая мысль, которую я тотчас исполнил. Я сломал свой карандаш и стал его точить, при этом нарочно сильно поранил палец на правой руке, вскрикнул, перевязал рану платком и передал свою записную книжку агенту, прося его самому записать в ней данные, которые он собирался мне дать. Он это сделал. Таким образом, исписал целую страницу. Окончив с ним разговаривать и сойдясь в цене, я сказал ему, что денег у меня сейчас нет, и заплачу я ему в понедельник или вторник. Предложил ему зайти ко мне во вторник.

Я знал, что Дюпон (офицер французской разведки – В.Ш.) в субботу всегда уходит домой в три часа. Наскоро проводив агента, я бросился к телефону и срочно соединился с Парижем, с полковником Дюпоном. Я сказал ему, что, кажется, напал па одного из типов интересующей пас конторы, имею образчик его почерка и прошу его к утру вторника выслать мне лучшего слежчика, который находится в его распоряжении, с образцом. Он согласился. Слежчик определил идентичность почерков. Он дежурил у моих ворот до визита агента, затем выследил его и определил, что агент имеет контору в Цюрихе и что она называется банк «Мейер и Мюллер».

Я донес об этом в Петербург. Оттуда пришел приказ разоблачить эту контору и заставить ее закрыться. Я считал, что надо ее оставить в покое, притвориться, что мы ничего не знаем, и ежегодно через наших военных агентов покупать часть се фальшивых документов и постараться ввести своего человека в этот банк. Дюпон придерживался моего мнения. Мы три года работали, чтобы раскрыть контору «Мейер и Мюллер». Если мы заставим ее закрыться, она откроется в другом месте, и мы опять потратим три года, чтобы найти, где и под каким именем она открылась. Мы с Дюпоном убедили наши канцелярии в правильности нашего мнения.

Дюпону удалось ввести своего человека в банк. Он там был до Великой войны, и через него мы узнавали все, что там делается. Во время Великой войны он исчез. Вероятно, немцы раскрыли его и сами убили.

Через год (в 1913 году) мне удалось убедить англичан, что купленные за баснословную сумму карты всех портов Балтийского побережья Северного моря – фальшивые. Вот как это произошло: ко мне пришел продавец фальшивых планов Балтийских портов и предложил два новых плана.

Я с ним по обыкновению стал торговаться. Во время торга он казал:

– А англичане щедрее вас, я им продаю все карты, одновременно купленные вами, и карты Северного моря за 30.000 фунтов.

Я тотчас поехал к английскому посланнику и сообщил ему, что он собирается покупать фальшивые карты за 30.000 фунтов...»

В этом страшном водовороте вращалась и Анна. Чем именно занималась Анна с начала Первой мировой войны до весны 1915 года мы тоже не знаем, но думается, что без дела не сидела. Такие специалисты как она были во время войны на вес золота. А затем началась подготовка к грандиозной операции в Либаве, которая и принесла Анне всемирную известность.

Карта Либавы

Историк военно-морской российской разведки В.А. Петров отмечает: «Еще в 1908 году возникла идея параллельного существования двух разведывательных структур. Первая из них ориентировалась на добывание сведений, имеющих более или менее долговременную ценность. Главным критерием здесь служили глубина и развернутость информации. Основным же звеном второй структуры становилась «тайная наблюдательная постовая служба»: перед ней ставилась задача оперативно сообщать о перемещении неприятельских флотов во время войны. Это входило в обязанность специально подготовленных наблюдателей, заранее поселявшихся в выбранных местах и начинающих действовать после открытия военных действий. Балтийскому театру при этом придавалось первостепенное значение. Ограниченность средств, вызванная отрицательной позицией Министерства финансов, позволила приступить к созданию службы наблюдения только в 1912 году. В законченном виде она предстала сложной многоступенчатой организацией с 13 видами агентов различного профиля. Однако к июлю 1914 года «Служба наблюдения за противником во время войны» (присвоенное ей, в коечном счете, официальное наименование) еще не была развернута. В момент наибольшего обострения политической напряженности командование Балтийского флота оказалось практически отрезанным от жизненно важной для него информации.

В те дни командующий Балтийским флотом адмирал Н.О. Эссен жаловался: «Теперь особенно нужна была (бы) агентура, а у нас ее, видимо, совсем нет».

Командующий Балтийским флотом адмирал Н.О. Эссен

Того же мнения был и его начальник оперативного отдела А.В. Колчак: «Мы совершенно лишены сведений о противнике. Разведке нашей цена 0. Она ничего путного не делает». Требовал срочного усиления работы разведки и начальник МГШ А.И. Русин.

Капитан 1 ранга А.В.Колчак

Все дело в том, что военно-морская разведка к тому времени еще не вышла на должный уровень. По плану все должно быть развернуто лишь к 1915 году. Поэтому с началом войны у руководства разведки Балтийского флота сразу же начались серьезные проблемы. Сразу же отказались от сотрудничества наблюдатели в Дании, Норвегии и Дании и ряда портов в Прибалтике. Одно дело давать информацию в мирное время, когда можно за это угодить на несколько лет в тюрьму и совсем иное в военное, когда риск получить пуля в лоб или в спину возрастает сразу многократно. Службы наблюдения курировали офицеры Балтийского флота старший лейтенант Р.А. Окерлунд, и лейтенант Н.Н. Шестаков. При этом надо признать, что наша морская разведка очень быстро прогрессировала и вскоре стала одной из сильнейших в мире, причем не только общепризнанная радиоразведка адмирала А.Н. Непенина, но и агентурная. Любопытно, что российские морские офицеры-разведчики, знакомые с постановкой морского разведывательного дела у англичан, поражались их непрофессионализму. Наиболее сильными противниками в годы Первой мировой войны были российские и германские военно-морские спецслужбы.

Историк военно-морской российской разведки В.А. Петров отмечает: «Особо следует сказать о разведывательных операциях объектами которых стали порты восточной части Балтийского моря – германский Мемель и занятые германскими войсками российские Либав и Виндава. Ими занимались, как минимум две организации, находившиеся в Риге. Первая из них работала с 1914 года под руководством г. Брандта и первоначально проявляла значительную активность. Практиковалась засылка агентов в названные порты с теми же целями, что и в Киль, Данциг и другие. Попутно агенты собирали данные о передвижениях войск, которые затем передавались армейскому командованию. Перед этой организации стояли обычные для морской разведки проблемы: слабая подготовленность имеющихся

агентов и сложность вербовки новых. Тем не менее в 1915 году агенты направлялись достаточно регулярно: в сентябре того же года – семь раз, в декабре – шесть». В 1916 года работала еще и разведывательная группа мичмана В.П. Романенко, но весьма слабо....

Порт Либавы

К этому времени, германская контрразведка также очень быстро наращивала темпы работы. В рапорте начальнику МГШ в ноябре 1916 года руководитель российской морской разведки капитан 1 ранга М.И. Дунин-Борковский сообщал об «усиленном наблюдении и выслеживании наших агентов органами германского контршпионажа...»

Только в Копенгагене работало 120 германских контрразведчиков, и наша агентура окружена плотным кольцом. Не меньше было их и в Стокгольме. Если говорить о Либаве и Виндаве, то эти порты были просто наводнены германскими контрразведчиками, а потому работать нашим агентам там было архисложно и архиопасно.

Поэтому уже к 1916 году М.И. Дунин-Борковский указывал на истощение существовавших тогда методов работы и настаивал на переустройстве всей системы работы морской разведки, увы, поздно. Россия уже входила в революцию.

Историк российской военно-морской разведки В.А. Петров говорит и еще об одной немаловажной детали: «Еще один комплекс проблем был связан со спецификой «службы наблюдения». От наблюдателей...требовалось умение четко различать типы кораблей, но именно оно давалось с наибольшим трудом. Некоторые не могли освоить коды для условных обозначений при телеграфировании...» Учитывая то, что помимо этого во время войны (как мы уже говорили) многие агенты отошли от активной работы, необходимость в высококлассном агенте в Либаве, на которую базировался германский флот Балтийского моря, было необходимо как воздух.

Либавская кельнерша

В Либаве Анна появилась, скорее всего, еще до прихода немцев. Это позволяло, во-первых, не вызвать особого подозрения к своей особе, а кроме того наладить все необходимые связи, вжиться в окружающую обстановку и в свою новую роль. Кроме этого так было необходимо и по легенде, по которой работала Анна. Считается, что весной 1915 года, она устроилась работать кельнершей в кондитерской на Шарлоттенштрассе, традиционно часто посещаемой моряками. Чтобы не вызывать никаких подозрений, при Анне, якобы, была маленькая девочка (по другим данным мальчик), которую она выдавала за свою дочь.

Либав. Кондитерской на Шарлоттенштрассе

Историк военно-морской российской разведки В.А. Петров пишет: «Формально русская морская разведка возникла в 1907 году, когда МГШ (Морской Главный штаб – В.Ш.) впервые получил особые кредиты на разведывательные цели. Но о первых годах ее существования имеются лишь отрывочные сведения. Во всяком случае, до 1909 года разведки против главного из потенциальных противников – Германии – еще не велось. В последующие годы такое положение было в значительной мере исправлено. При этом Германия оставалась главным объектом внимания, а разведка велась традиционным способом – путем вербовки лиц, по своему служебному положению располагавшими необходимой информацией. Этим занимались морские агенты в европейских странах (теперь уже систематически, по заданиям из Петербурга) совместно с офицерами МГШ, по мере надобности посылавшимися за границу. Именно так поддерживались отношения с самым, по видимому, результативным агентом того времени – чиновником германского Морского генерального штаба, известным под условным именем «Альберт». Можно предположить, что через него поступила значительная часть сведений о германском флоте, имевшихся в МГШ к концу 1913 года – описание германских морских маневров 1912 года, данные о минных заграждениях, сигнальные книги и многое другое. Наряду с этим в 1913 году были предприняты усилия по засылке в Германию агентов из числа жителей Прибалтики, владеющих немецким языком. Их задачей являлось наблюдение за германскими портами, а также вербовка офицеров германского флота. Программа была рассчитана на длительный срок и к началу мировой войны в целом оказалась нереализованной».

Мы точно не знаем, занималась ли Анна сбором текущей информации о германских кораблях, заходивших в Либаву, или ее берегли для одной самой главной операции и, поэтому, наоборот, оградили от всякой мелочевки, которая могла бы только привлечь ненужное внимание. Думается, что последнее более реально. Анна была слишком ценным агентом, чтобы ей можно было рисковать из-за какой-то ерунды.

Следы работы Анны Ревельской мы обнаруживаем и до ее главной операции в октябре 1916 года. Так уже в декабре 1914 года, бывший в ту пору офицером оперативного отдела Балтийского флота, капитан 1 ранга А.В. Колчак отмечал, что выполненная флотом постановка минного заграждения в южной части Балтийского моря «была в значительной мере основана на данных разведки, которая совершенно точно и своевременно дала нам данные по обстановке».

В.А. Петров отмечает и еще одну операцию разведки Балтийского флота, к которой вполне вероятно также могла самое непосредственное отношение и Анна: «...Разведка постоянно предупреждала о готовящихся наступательных действиях герм флота. Например, о попытке его прорыва в Рижский залив в июле 1915 года было сообщено в Петроград более чем за три недели до ее начала... Есть основания считать, что с течением времени работа разведки на Балтике в этом отношении, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, по крайней мере, не ухудшилась».

Основным источником информации об Анне Ревельской по ее деятельности в Либаве в настоящее время является труд английского военно-морского разведчика Г. Байуотера "Морская разведка и шпионаж. 1914–1918 гг.", переведенная с английского языка и изданная в СССР в 1939 году «Военмориздатом». На информацию Байуотера опираются все, кто когда-либо писал об Анне Ревельской. Пользовался данным трудом при написании «Моонзунда» и Валентин Пикуль. А потому обратимся к книге Г. Байуотера и мы: «Наиболее тяжелые потери немцы понесли от мин, в применении которых русские моряки показали большое мастерство и изобретательность. Большую услугу русскому морскому командованию оказала и разведка, принеся русским ряд заметных успехов. Один из них заслуживает особого внимания как поучительный и пикантный эпизод в истории разведывательной работы.

Среди унтер-офицеров германской Балтийской эскадры был некто Курт Бремерман – рослый, светловолосый парень, наделенный более чем средней мужской красотой. С маленькой подрезанной бородкой, весьма почитаемой среди унтер-офицерского сословия, с усами, закрученными "а ля кайзер", и располагающей к себе улыбкой, он являл собой прекрасный тип самонадеянного кильского Дон-Жуана, переходящего "от победы к победе" в короткие промежутки отпусков на берег.

Тщеславный и хвастливый среди женщин, Курт был усердным офицером, на весьма хорошем счету у высшего начальства. Во время оккупации Либавы немцами Бремерман служил на одном из германских крейсеров. Верный своим обычаям, он завел в Либавском порту знакомство с женщинами. Одна из них полностью покорила его сердце. Анна, так звали ее, официантка из кафе, была, действительно, красавицей. Она обладала безукоризненной фигурой. Масса черных волос обрамляла милое лицо. Что-то неуловимое отличало ее от окружающей среды. Речь ее была культурна, и помимо родного русского языка она хорошо владела немецким. Нечего удивляться, что, обладая такими качествами, она скоро увидела влюбчивого моряка у своих ног.

Но на этот раз ему оказалось нелегко одержать победу. Дама была скромна и сдержанна и не поддавалась на "ударную тактику", квалифицированным специалистом которой являлся ее ухажер. Она не была расположена слушать нежные бессмыслицы, которые, по мнению Курта, единственно возможный разговор с интересной женщиной. Анна была интеллигентна; она, ярая германофилка, глубоко заинтересованная войной, всегда с жадностью выслушивала все новейшие сообщения о победах, одерживаемых немцами над "ненавидимыми русскими". Таким образом, Курт, желая проводить с нею время, вынужден был, помимо воли, часами беседовать о войне, о своей профессии.

Она никогда не пыталась выведать от Бремермана секреты, да и он не рассказывал ничего серьезного, так как был далеко не дурак.

Но сейчас он был влюблен без ума и пожираем ревностью. Анна имела весьма хорошие отношения с его приятелями и, будучи разумной, не позволяла Курту монополизировать себя. Нет сомнений, что, находясь в море, он испытывал невыразимые муки ревности.

В одном из походов корабль его подорвался на mine, и он был вынужден провести три недели в Киле, пока производился ремонт.

Как раз в это время немцы планировали свое первое большое морское наступление в Рижском заливе. Используя Либаву в качестве базы, они предполагали протралить проход через русские минные поля, а затем под прикрытием тяжелой артиллерии дредноутов высадить войска на острове Эзель и, если возможно, на материке вблизи Риги.

Мины были основной трудностью. Русские, казалось, имели неисчерпаемый их запас. Сотни мин были вытралены, но новые сотни вырастали как грибы, вызывая тяжелые потери в германских флотилиях. Корабль Курта Бремермана прибыл в Либаву за две недели до начала атаки. Курт, не теряя времени, разыскал свою зазнобу, которая на сей раз была несколько благосклонна, хотя все еще встречала его ухаживания с холодком. Казалось, она о чем-то думала, чем-то была занята.

Увлеченный моряк, мучимый ревностью, умолял довериться ему. Тронутая его явной преданностью, Анна, наконец, сдалась и выдала ему свой секрет. В начале войны она была влюблена в русского морского офицера, находившегося в Либаве. Несмотря на то, что она ненавидела русских, Анна его боготворила и была готова отдать за него жизнь. Она точно не знала, в чем заключалась его служба, но предполагала, что он связан с русской береговой обороной.

– Любите ли вы его по-прежнему? – спросил несчастный Курт.

– Нет, – возбужденно воскликнула Анна. – Я ненавижу его за то, что он сделал со мной. Я отдам все что угодно, чтобы отомстить ему. Мы жили вместе, когда я должна была иметь от него ребенка. Началась война. Русские решили эвакуировать Либаву. До этого мой любовник обещал взять меня с собой в Петербург, одарить меня мехами и драгоценностями, обещал обеспечить ребенка всем.

Он даже намекал на женитьбу, так как знал, что я происхожу из хорошей курляндской семьи, с которой не стыдно породниться даже офицеру.

Эвакуация была назначена через неделю. Я была уверена, что буду сопровождать его, и приготовила все к отъезду. Многие из его вещей оставались у меня. Я запаковала их вместе со своими. Но однажды вечером он пришел ко мне, и я почувствовала, что с ним что-то случилось. Он был пьян.

Когда я подошла к нему, пытаюсь обнять его, он оттолкнул меня.

– Довольно с меня, – грубо закричал он. – Наши отношения слишком затянулись. Я пришел сказать это и пожелать тебе всего хорошего. Мы на войне, а ты и все вы здесь в Либаве ненавидите Россию, и будете приветствовать немцев.

Сначала я думала, что только вино заставляет его говорить так жестоко, но скоро обнаружила, что он весьма серьезен. Вы можете представить себе мои чувства. Со слезами я бросилась к его ногам, напоминая ему обо всех его обещаниях и умоляя не покидать меня и нашего будущего ребенка. Он даже позволил себе сказать, что ребенок не его. Я была в отчаянии и все еще надеялась завоевать его снова, – продолжала Анна. – Я напомнила ему про обещание жениться на мне. Он рассмеялся мне в лицо.

– Эх ты, дура! Неужели ты серьезно думала, что я женюсь на женщине такого низкого положения, как ты, на женщине, которая, как известно, имела много любовников. Кроме того, у меня в Петербурге жена и двое детей.

Это было уже слишком. Я потеряла самообладание, и произошла жуткая сцена. Я обозвала его лгуном и трусом. Он ударил меня и почти в бессознательном состоянии швырнул на пол. Когда я лежала на полу, он вышел, крикнув через плечо, что покончил со мной и

утром придет вестового, чтобы тот собрал принадлежавшие ему вещи. Поздно ночью в городе была тревога. Над городом появился германский цеппелин, сбросивший бомбы. Все полагали, что германский флот близок, но мне было все равно: даже если вся Либава будет стерта с лица земли. Жизнь потеряла для меня интерес.

Анна устала сидеть в окне ненавидящими глазами. Курт Бремерман сидел, крепко сжав свои сильные руки, и не говорил ни слова.

– Всю ночь я пролежала на полу, – прервав молчание, продолжала Анна.

– Я была слишком больна, чтобы подняться. Незадолго до рассвета в дверь кто-то постучал. Это был вестовой моего бывшего любовника, и я приказала ему поскорей собрать вещи хозяина. Вестовой был сердечный человек, так как, заметив мое отчаяние, собрал вещи за несколько минут, и удалился, пробормотав на прощание слова сочувствия.

Вскоре после этого с улицы донеслись звуки горнов, и я увидела колонны русских солдат, промаршировавшие мимо. Началась эвакуация.

На моем столе стояла его фотография в полной морской форме. Я разорвала ее на клочки и бросила в печь. Может быть, и существуют женщины, способные простить мужчине грубое обращение, но не я. После того как он оскорбил меня, вся моя любовь превратилась в ненависть и проклятие. Я хотела умереть, но не могла убить себя. Мой ребенок должен был жить. Следующие несколько недель я кое-как просуществовала, а затем отправилась в госпиталь, где и родился мой сын. Это был прелестный ребенок, похожий на своего отца. Казалось, что я должна возненавидеть его, но нет. С тех пор я работаю в кафе. Моя приятельница смотрит за ребенком, а я вижу его два раза в неделю.

– Вы слышали позже что-либо о нем? – спросил Курт несколько холодно, так как, хотя лучшая часть его "я" и была тронута рассказанной ему трагической историей, он не мог даже представить себе, что женщина, которую он любит, родила ребенка от другого мужчины.

– Нет, – ответила она безразлично.

Затем, с внезапным приливом страстной ненависти, добавила:

– Надеюсь, он мертв! Мой рассказ напомнил мне кое о чем. Много недель спустя после того, как он покинул меня, я обнаружила кожаный портфель, принадлежавший ему, который вестовой забыл взять. Портфель был набит бумагами. Среди них лежала фотография, на которой он был снят с женщиной и двумя детьми – его семья в Петербурге. Он имел наглость принести эту карточку ко мне в дом!

Блуждающее внимание Курта было, как бы, мгновенно приковано. На минуту он забыл свои печальные размышления. Русский морской офицер... говорят, имеющий отношение к береговой обороне... мог иметь в портфеле весьма интересные документы. Их, безусловно, стоит посмотреть.

– А другие бумаги? – с любопытством спросил он.

– Откуда я знаю? – вяло ответила Анна. – Полагаю, что-то связано с работой, хотя я едва взглянула на них... Проклятой фотографии было достаточно для меня. Я разорвала ее в клочья.

– А бумаги тоже? допытывался Курт.

– Нет, они все еще в портфеле.

"Если Курт интересуется этим хламом, этим мусором больше, чем ее заботами, он может их посмотреть".

После нескольких слов и необходимого нежного вступления портфель лежал перед Куртом. Он вынул пачку документов. Документы, которые Бремерман держал в руках, были написаны по-русски и, без сомнения, являлись официальными, потому что большинство было украшено двуглавым орлом. Среди бумаг были географические и навигационные карты, значение которых не допускало двух толкований. Оборона Рижского залива

была показана полностью: форты, минные поля, другие препятствия. Каждая навигационная карта имела бесчисленные пометки цветными чернилами.

Ключ ко всей системе русской обороны в этой местности находился в руках Курта. Профессиональное возбуждение полностью подавило личные чувства. Он попросил Анну разрешить ему забрать эти бумаги. Не разреши она ему, он все равно оставил бы их у себя, но она холодно согласилась, и Курт с прискорбием поспешил сократить свидание. Он все еще любил эту женщину, но она должна подождать. Тут было дело, не терпящее отлагательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.